

С той ночи, когда в бамбуковой роще Лин Юньсю увидела потрясающую тайну, жизнь в павильоне Цюньсяо стала для неё похожа на хождение по тонкому льду. Она по-прежнему ежедневно упражнялась с мечом, совершенствовалась и играла роль прилежной, молчаливой ученицы внешнего круга по имени Бай Лу, но её внутреннее состояние изменилось до неузнаваемости.

Двойные зрачки Цзян Шуин, те переплетающиеся нити судьбы и та холодная фраза о полном уничтожении тела и души — всё это глубоко врезалось в её сознание и никак не желало забываться. Она больше не видела в Цзян Шуин лишь непредсказуемого человека, которого нужно опасаться и изучать, — теперь она воспринимала её как спутницу по несчастью, несущую на плечах тяжкий груз тайн и страданий, хотя это ощущение общности, возможно, было лишь её собственным заблуждением.

Сама Цзян Шуин, казалось, ничуть не изменилась после того случая. Она всё так же вела замкнутый образ жизни, лишь изредка появляясь на людях с закрытыми белой тканью глазами, холодная и отстраненная, как и прежде. Однако Лин Юньсю смутно чувствовала, что за этой невидимой преградой скрывается едва уловимый взгляд, подобный лунному свету — бесшумный, но вездесущий.

Этим утром, едва закончив утренние занятия и собираясь направиться в Зал передачи мастерства, Лин Юньсю была остановлена незнакомой старшей ученицей внутреннего круга.

— Младшая сестра Бай Лу? — та окинула её взглядом, тон её был вполне мягким. — Глава павильона желает тебя видеть. Идем со мной.

Глава павильона?

Сердце Лин Юньсю бешено заколотилось. Глава павильона Цюньсяо — та самая женщина, которая, по слухам, много лет назад спасла Цзян Шуин и воспитала её, — за всё время пребывания Лин Юньсю в секте оставалась для неё словно горная вершина в тумане: имя слышала, а саму не видела. Почему она вдруг решила вызвать ничем не примечательную ученицу внешнего круга?

Из-за задания в городе Гравия? Или... это связано с той ночью в бамбуковой роще? Неужели Цзян Шуин доложила обо всём главе?

Бесчисленные догадки вихрем пронеслись в голове, отчего ладони слегка вспотели. Однако внешне она не выдала ни капли волнения и почтительно ответила:

— Слушаюсь. Благодарю, старшая сестра, что проводили.

Следуя за ученицей, она миновала несколько залов и павильонов. Чем дальше они заходили, тем уединеннее становилось место. Наконец, они остановились перед скромным строением, спрятанным среди сосен и кипарисов. На табличке изящным почерком было выведено:

Павильон Юньшэнь.

— Глава внутри, заходи сама, — сказала провожатая и, поклонившись, удалилась.

Лин Юньсю взяла себя в руки, поправила одежду, глубоко вдохнула и приоткрыла притворенную деревянную дверь.

Внутри царила простота и уют, в воздухе витал тонкий аромат успокаивающих благовоний. Женщина в скромном лазурном платье стояла спиной к ней, глядя в окно на плывущие облака. У неё была прямая осанка, темные волосы собраны в простой пучок и заколоты деревянной шпилькой. Даже не видя лица, можно было почувствовать исходящее от неё спокойствие и достоинство.

Услышав скрип двери, женщина медленно обернулась.

На вид ей было около сорока лет. Лицо нельзя было назвать ослепительно красивым, но оно было очень приятным и одухотворенным. В её чертах читалась мудрость человека, повидавшего жизнь, а взгляд был чистым и глубоким, словно способным вместить в себя весь мир. Однако, приглядевшись, можно было заметить тонкие морщинки в уголках глаз и затаенную печаль, напоминающую размытые чернила на картине.

Это и была глава павильона Цюньсяо, воспитавшая Цзян Шуин.

— Ученица Бай Лу приветствует главу, — Лин Юньсю подавила волнение и поклонилась согласно правилам.

Глава посмотрела на неё — взгляд её не был острым, но казался теплым, способным унять любую тревогу. Она слегка улыбнулась, и голос её прозвучал мягко:

— Не нужно церемоний, встань.

Она подошла к чайному столику и жестом пригласила Лин Юньсю присесть. Движения её были спокойными и грациозными, выдавая человека, привыкшего к высокому положению, но не стремящегося подавлять других.

— Хотя ты в секте недавно, ты проявляешь усердие, а на задании в городе Гравия показала себя сдержанной и надежной. Неплохо, — глава лично налила чашку чая и подвинула её к Лин Юньсю, разговаривая так, словно они вели обычную домашнюю беседу.

— Глава слишком добра ко мне, я не заслуживаю такой похвалы, — Лин Юньсю приняла чашку обеими руками, но бдительности не теряла. Она не верила, что её вызвали только ради лести.

Глава, казалось, видела её скованность насквозь и мягко произнесла:

— Не нервничай. Я позвала тебя сегодня просто поговорить. Шуин — девушка холодная, если она была с тобой излишне строга, не держи на неё зла.

Когда она говорила о Цзян Шуин, в её голосе слышались естественная теплота и понимание, свойственные старшему по отношению к младшему.

Сердце Лин Юньсю дрогнуло, и она подхватила тему:

— Старшая сестра обладает глубокими познаниями в совершенствовании и часто дает нам ценные советы. Я очень ей благодарна.

Глава слегка кивнула, отпила чаю, а её взгляд невзначай скользнул по пальцам Лин Юньсю, держащим чашку, и по её позе, которую та старалась держать ровной и спокойной.

— Слышала от Шуин, что ты весьма одарена в искусстве меча и быстро осваиваешь Технику меча текучей воды, — глава поставила чашку и продолжила прежним непринужденным тоном.
— Не скажешь, где ты совершенствовалась до прихода в наш павильон? Кто твой наставник?

Началось!

Лин Юньсю внутренне напряглась. Её решили проверить. Она уже подготовила ответ, поэтому опустила глаза, придав голосу нотки едва заметной печали:

— Я была странствующим практиком, случайно нашла половину свитка и постигала всё сама, постоянного наставника у меня не было. Позже в моей семье случилась беда, я осталась одна. Услышала, что павильон Цюнься принимает всех без разбора, вот и пришла попытать удачи.

Эта история была правдивой лишь наполовину: она полностью скрыла наследие горы Сюаньцзин, выставив себя одиноким странником, потерявшим семью — идеальный образ для ученицы с простым прошлым.

Глава молча слушала, выражение её лица не изменилось, лишь глубокие глаза на мгновение дрогнули, словно по глади озера пробежала рябь от брошенного камня.

— Вот как, — она не стала углубляться в детали и лишь тихо вздохнула. — В этом мире много странников, и найти место, где можно обрести покой для совершенствования — это тоже своего рода судьба.

Тон её изменился, она перестала расспрашивать о прошлом Лин Юньсю и заговорила о самом павильоне:

— Наш павильон Цюньсяо стоит здесь не ради славы, мы лишь хотим, чтобы наши ученики могли познать себя и найти свой истинный путь. Но мир полон суеты, и иногда она затрагивает нас. Например, недавнее происшествие в городе Гравия...

Упоминание города Гравия заставило Лин Юньсю насторожиться.

— ...это были лишь мелкие негодяи, которые, опираясь на старые связи, творили недостойные дела, — в голосе главы прозвучала легкая усталость, не физическая, а скорее душевная. — Пусть павильон Цюньсяо невелик, но у нас есть границы, которые нельзя нарушать.

Старые связи? Лин Юньсю тут же подумала о секте Тайхуа. Эти слова главы были почти признанием того, что между ними есть давняя связь, а теперь — противостояние.

Она осторожно спросила:

— Глава, те негодяи... они связаны с сектой Тайхуа? Я слышала, что Тайхуа — благородная секта, почему же...

Глава подняла руку, останавливая её. Её взгляд снова упал на Лин Юньсю — на этот раз глубже, словно она пыталась заглянуть прямо в душу.

— Благородная секта... — повторила она, и уголки её губ тронула едва заметная, почти горькая улыбка. — Под внешней оболочкой не всегда сразу разглядишь, где добро, а где зло. Бай Лу, тебе достаточно запомнить одно: храни чистоту своего сердца и четко осознавай путь, по которому идешь. Прошлое секты и старые обиды — не твоя ноша, и тебе пока не под силу их нести.

Её слова были мягкими, но в них чувствовалась непреклонность, закрывшая перед Лин Юньсю дверь для дальнейших расспросов.

Лин Юньсю поняла, что больше спрашивать нельзя, и склонила голову в знак согласия.

Глава смотрела на неё некоторое время, и в её взгляде постепенно проступило сложное чувство — смесь жалости и любопытства. Вдруг она тихо произнесла, словно сама себе:

— В тебе... есть черты старого знакомого.

Сердце Лин Юньсю пропустило удар, она резко подняла голову!

Знакомого? Какого знакомого? Неужели... отца? Глава знала отца?

Пульс участился, казалось, сердце вот-вот выпрыгнет из груди. Она открыла рот, чтобы задать вопрос, но увидела, что глава уже отвела взгляд и снова смотрит на плывущие облака. Её профиль в лучах света казался размытым, а те эмоции, что промелькнули на лице, исчезли, сменившись прежним мягким спокойствием.

— Иди, — глава махнула рукой, голос её снова стал обычным. — Усердно совершенствуйся и не теряй времени зря.

Это был явный знак, что аудиенция окончена.

Лин Юньсю, полная сомнений, могла лишь сдержаться, подняться и поклониться:

— Ученица уходит.

Она вышла из павильона Юньшэнь, тихо прикрыла дверь и, стоя на каменных ступенях, почувствовала, что солнце слепит глаза. Последняя фраза главы была словно огромный валун, брошенный в озеро, поднявший нешуточную волну.

Черты старого знакомого... Глава знала отца! Она точно что-то знает!

Этот визит, казавшийся обычной заботой, на деле был полон скрытых смыслов. Глава проверяла её, а заодно мягко предупредила не лезть в дела секты. Но в то же время слова о старом знакомом были похожи на невольное признание или... скрытую подсказку?

Лин Юньсю оглянулась на утопающий в соснах павильон Юньшэнь. Ей казалось, что в этом спокойном с виду месте за каждым углом скрывается тайна, связанная с исчезновением её отца. И эта мягкая, печальная глава, и та, что с повязкой на глазах видит нити судьбы — Цзян Шуин, — все они были ключевыми, но недостижимыми фигурами в этом густом тумане.

Она сжала кулаки, её цель стала ещё яснее: нужно остаться здесь, стать ещё полезнее, чтобы получить шанс увидеть свет истины из этого глубокого облачного павильона. А та невидимая нить, что связывала её с Цзян Шуин, после слов главы стала казаться ещё более отчетливой и крепкой.

<http://bllate.org/book/19401/1899875>